СЛОВО
НА
ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ
ВОЗШЕСТВІЯ
на
Всероссійскій Императорскій
ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II.
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,
И ПРОЧАЯ. И ПРОЧАЯ. И ПРОЧАЯ.
говоренное
Іюня 30. дня, 1765. года

ІОГАННОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ ЭРАЗМУСОМЪ,
Медицины Докторомъ, Анатоміи, Хирургіи и повивальнаго искусства публичнымъ и ординарнымъ Профессоромъ

О противностяхъ Анатомическаго ученія увеселеніемъ и превеликою онаго пользою несравненно превышаемыхъ.

Переведено съ Латинскаго.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Гос. Историч Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 289857
„......“ .... 193 г.

Сколько ни есть наукъ и художествъ, всѣ оныя въ томъ между собою сходствуютъ, что къ познанїю ихъ требуется прилѣжное старанїе и трудъ, которой начинающимъ обучаться не только кажется скученъ, но и въ са́мой вещи таковъ есть до тѣхъ поръ, пока они не позна́ютъ совершенно того, чему обучаться должны были. Тогда же столь великою они радостїю бываютъ преисполнены, что о прошедшей скукѣ тѣмъ меньше ужѐ воспоминаютъ, чѣмъ больше изъ прїобрѣтеннаго ими познанїя всему человѣческому роду пользы происходитъ. Отрокъ, обучаясь въ азбукѣ первымъ основанїямъ буквъ, столько чинитъ жалобъ на трудность своего ученїя, сколько едва можетъ произнесть обучающїйся Математикѣ, трудясь въ рѣшенїи алгебраической задачи. Когда безплодной стихотворецъ, изгрызши нѣсколько перьевъ, наконецъ сложитъ небольшоє число стиховъ: то воображая себѣ, что онъ чрезъ сїе безсмертную славу заслужилъ, торжествуя съ Горацїемъ восклицаетъ:

Я знакъ безсмертїя себѣ воздвигнулъ
превыше пирамидъ и крѣпче мѣди.

Критикъ, набравшись плесненнаго запаху, по причинѣ всегдашняго своего упражненїя въ перебиранїи римскихъ древностей и старинныхъ книгъ, когда помощїю нѣкоторой чрезъ нѣсколько вѣковъ изъ нѣдръ земныхъ вырытой надписи узнаетъ, что должно писать *Виргилїй*, а не *Вергилїй*: то

ду-

думаетъ, что онъ за сїе изобрѣтенїе равной чести съ Гарвеемъ достоинъ, которой обращенїе крови въ человѣкѣ, до времянъ его несовершенно а только смѣшенно знаемое, ясно открылъ и всему свѣту доказалъ. И такъ всякой науки и знанїя начало бываетъ скучно, а конецъ прїятенъ; но не отъ всякой равная польза. Ибо превосходство наукъ опредѣлять должно по тому, поелику оныя бо́льшую или ме́ньшую человѣческому роду пользу приносятъ. Корабельщикъ, которой въ состоянїи сыскать на-морѣ кратчайшую и безопаснѣйшую доро́гу, симъ искусствомъ своимъ больше приноситъ пользы роду человѣческому, нежели са́мой искуснѣйшей фиглярь, которой по канату ходитъ, и котораго искусство служитъ только для препровожденїя времени празднымъ людямъ. Равнымъ образомъ гораздо легче обойтись обществу безъ того искусства, которое показываетъ разными способами завивать и убирать волосы, нежели безъ деревенской оной работы, которою твердые льна и пеньки стебли разминаются и на тончайшїя и толь мягкїя раздѣляются пряди, что послѣ изъ нихъ разныя поло́тна къ различнымъ домашнимъ употребленїямъ служащїя ткутся, и чрезъ то всему обществу знатныя приносятся выгоды. Также и подлинно полезныя науки не всѣ однимъ образомъ пользу свою оказываютъ, но нѣкоторыя производятъ оную прямымъ, а другїя постороннимъ образомъ. Излишно было бы справедливость сего доводить изъ другихъ наукъ, когда намъ то самая Медицина весьма ясно доказываетъ, которая будучи вообще разсматриваема, двоякой конецъ себѣ предполагаетъ, то есть или сохраненїе здравїя тѣлеснаго въ цѣлости, или возстановленїе онаго, когда оно повреждено будетъ. Въ слѣдствїе сего изъ толь многихъ частей Медицины прямымъ образомъ полезны будутъ только называемыя такъ отъ Медиковъ *Гигїэне* и *Ѳерапїя* какъ медическая, такъ и хирургическая. Прочїя же части пользуютъ постороннимъ только образомъ, открывая путь къ упражненїю съ успѣхомъ въ частяхъ практическихъ. Весьма бы я удалился отъ моего намѣренїя, естьлибы то доказывать хотѣлъ чрезъ всѣ вспомогательныя части Медицины. Довольно для меня, когда я анатомическимъ ученїемъ, къ преподаванїю котораго я опредѣленъ, оное докажу. И такъ содержанїе сего моего сло́ва будетъ состоять въ томъ, чтобъ показать:

Что

Что увеселенїе Анатомическаго ученїя и великая онаго польза несравненно превосходитъ оказывающїяся въ немъ противности.

Я не стараюсь, почтеннѣйшїе Слушатели, новостїю предложенїя, о которомъ уже въ иностранныхъ Университетахъ многократно говорено было, Васъ къ себѣ благосклонными учинить, и будучи некраснорѣчивъ и не довольно упражнявшись въ Ораторїи, прїятныхъ словъ ласкательствами Васъ на свою сторону склонить не могу; однако не со всѣмъ отчаяваюсь о Вашемъ согласїи, естьли чрезъ краткое время меня о толь достойной матерїи, хотя и не весьма достойнымъ слогомъ предложить имѣющаго, удостоите Вашего слушанїя и вниманїя, о чемъ Васъ съ надлежащимъ почтенїемъ и прошу.

Желающїе вещь какую похвалить и другимъ одобрить имѣютъ по большой части то обыкновенїе, чтобъ оную только съ хорошей и прїятной стороны разсмотренїю слушателей своихъ предлагать, а съ которой стороны она не можетъ понравиться, ту скрывать въ глубокомъ молчанїи. Но такимъ образомъ поступающїе, кажется мнѣ, приводятъ себя въ подозрѣнїе, что дѣло ихъ не правое. Чего ради я иначе поступлю, почтеннѣйшїе Слушатели, и будучи побуждаемъ чистосердечїемъ и справедливостїю моего мнѣнїя, не только опишу Вамъ, сколь анатомическое ученїе прїятно и полезно есть, но также сколь оно и скучно. Я не только не опасаюсь, чтобъ такимъ описанїемъ превосходство его уменьшиться могло, но надѣюсь еще, что оное отъ того больше возвысится, по оному извѣстному изреченїю, что вещи противныя гораздо лучше распознаваются, когда между собою сравниваются.

Къ противностямъ, которыя съ анатомическимъ ученїемъ соединены, и которыя вступающимъ въ оное преодолѣвать должно, причисляю я слѣдующїя: понесенїе стужи, претерпѣнїе смрада, нечистоту рукъ, ругательства народныя, немалое число вещей, коимъ учиться надобно, великое множество анатомическихъ книгъ и оныхъ несходство, смѣшенїе Зоото-

мїи съ человѣческою анатомїею и отъ того происшедшїя многїя ложныя таблицы и изображенїя анатомическїя. Столь различны суть сїи препятствїя, и для сего каждое изъ оныхъ достойно особливаго разсмотренїя!

Человѣческїя тѣла, равно какъ и тѣла всѣхъ животныхъ, сколь долго живы бываютъ, дотолѣ силою жизни сохраняются и отъ согнитїя; а какъ скоро оная сила дѣйствовать перестанетъ, то оныя сами собою въ гнилость преобращаются. Но нѣтъ дѣйствительнѣйшаго средства къ скорѣйшему произведенїю и умноженїю гнили, какъ теплота воздуха. Примѣръ гнилости въ живомъ тѣлѣ находящейся, показываетъ моровая язва. Но гдѣ оная обыкновенно бываетъ? Какъ общей такъ и медицинской исторїи писатели согласно утверждаютъ, что оная язва по большей части въ жарчайшихъ частяхъ Азїи, Африки и Европы раждается. Въ разсужденїи времени года, самой опытъ многократно доказалъ, что оная лѣтомъ бываетъ заразительнѣе, а около равноденствїя къ осени уменьшается; когда же настанетъ зима, то по большой части совсѣмъ исчезаетъ. Равнымъ образомъ и мертвыя тѣла, когда положены будутъ въ холодномъ воздухѣ, то долго не гніютъ, и чѣмъ тепляе окружающей ихъ воздухъ, тѣмъ они скоряе портятся. И такъ изъ сего явствуетъ не только то, для чего тѣла къ анатомированїю назначенныя, въ холодномъ мѣстѣ сохранять должно, но также что прїуготовленїя и самыя показанїя лучше дѣлать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ умѣренная стужа есть, нежели въ тепломъ. И потому изъ сего происходитъ первая учащемуся анатомїи неудобность, а именно: претерпѣнїе стужи.

Вторая прискорбность, которую учащїеся анатомїи, иногда сносить должны, есть смрадъ, исходящей отъ гнилыхъ тѣлъ. Чего ради во всѣхъ изрядно учрежденныхъ Университетахъ, гдѣ въ зимнее время довольное число тѣлъ человѣческихъ мертвыхъ имѣть можно, для избѣжанїя, сколько можно, сей досады, въ лѣтнее время упражненїй анатомическихъ почти никакихъ не бываетъ. Но и въ самое зимнее время не всегда можно избѣгнуть онаго смраду, особливо въ здѣшнихъ сѣверныхъ странахъ. Ибо не всякой морозъ, но извѣстная только степень его сохраняетъ тѣла способными къ прїуготовленїю и гнилость отгоняетъ. Ежели жъ

поболѣе нѣсколько морозъ будетъ, которой дѣлаетъ на подобiе статуй окаменѣлыми мертвыя тѣла: то оной столько въ упражненiи анатомическомъ препятствуетъ, сколько съ другой стороны теплота; и чѣмъ сильняе морозъ, тѣмъ больше тѣла для прiуготовленiй бываютъ неспособными. Ибо окостенѣлыя не можно оныя анатомить, а обтаенныя скоро они портятся; и сiе тѣмъ наипаче, чѣмъ больше они окостенѣли, и чѣмъ тороплявѣе и многократнѣе оттаиваны будутъ. Видимъ также сiе въ живыхъ тѣлахъ: когда какая часть тѣла отъ сильнаго морозу такъ замерзла, что уже никакого чувства не имѣетъ, тогда искуснѣйшiе люди натираютъ оную снѣгомъ, или въ холодную воду опущаютъ, опасаясь, дабы теплое что прикладывая, не навести неизлечимую гнилость, называемую антоновымъ огнемъ. И такъ изъ сего я заключаю, что нарочитой морозъ, однакожъ не такой, чтобъ тѣла леденѣли, есть наиспособнѣйшей для анатомическаго театра; и ежели оной въ одинакомъ состоянiи содержать будетъ можно, то и тѣла отъ гнилости чрезъ долгое время сохранятся. А когда сiе въ нашихъ сѣверныхъ странахъ едва можно имѣть: то обучающiйся Анатомiи необходимо долженъ иногда сносить терпѣливно смрадъ, соединенной съ гнилостiю.

Третiе: надлежитъ, чтобъ обучающiеся Анатомiи не скучились умывать часто руки. Ни на одну линею геометрическую не можно въ тѣлѣ человѣческомъ прорѣзать, гдѣбъ множество находящихся сосудовъ не повредилось. И такъ разныя влажности въ нихъ содержащiяся вытекаютъ, и у разрѣзывающихъ тѣмъ болѣе мараютъ руки, чѣмъ множайшiе и большiе разрѣзываются сосуды, чего въ потрошенiи тѣла избѣжать не можно. Но должно ли для сего весь трудъ уничтожить, или Анатомикъ долженъ съ замаранными руками и платьемъ ходить? Никакъ! Онъ можетъ небольшимъ количествомъ воды и мыла оную нечистоту съ рукъ смыть, и передникомъ, употребляемымъ при Анатомiи, зберечь свое платье.

Четвертое: пустое есть поруганiе подлаго народа и тѣхъ, которые оному послѣдуя, Анатомиковъ не только съ мясниками, но и съ живодерами сравниваютъ. Мнѣ кажется, что сiе сравненiе весьма изъясняетъ истинну присловiя,

что всякое подобїе имѣетъ въ себѣ нѣкоторое несходство.

Ибо оные не только самымъ дѣломъ, но также и особливо крайнѣ разнствующимъ концемъ или намѣренїемъ весьма между собою различествуютъ. Мясники живыхъ скотовъ бьютъ, и битыхъ разрѣзываютъ на части, для употребленїя людямъ въ пи́щу, а живодеры только для своего прибытка съ мертвой скотины кожу здираютъ. Но Анатомика предметъ собственно есть тѣло мертвое человѣческое, а не животное; и способъ, какимъ образомъ оное разнимать, не столь простъ и всѣмъ извѣстенъ, по причинѣ со всѣмъ несходнаго конца сихъ дѣйствїй, какъ о томъ пространнѣе во второй и третїей части изъяснено будетъ.

Пятое: бо́льшую обучающимся Анатомїи причину къ скукѣ пода́ть можетъ множество тѣхъ вещей, которыя знать надлежитъ. Тѣло человѣческое, состоитъ изъ премногихъ раздѣленныхъ между собою и несходныхъ частей, какъ на примѣръ: изъ костей, хрящей, связокъ, мышекъ; бьющихся, крововозвращательныхъ и сухихъ жилъ и проч. и всякаго роду изъ сихъ частей немалое число находится. Костей на пр. въ тѣлѣ человѣческомъ считаютъ больше двухъ сотъ, однако всѣхъ ихъ, такъ какъ и прочихъ всѣхъ частей человѣческаго тѣла имена, положенїе, видъ, соединенїе и строенїе долженъ знать Анатомикъ. И хотя въ по́мощи къ сему нѣтъ недостатка, напротивъ того такое множество анатомическихъ книгъ находится, что сїе самое начинающимъ обучаться Анатомїи новую причиняетъ скуку; ибо онъ сомнѣвается, кого себѣ избрать предводителемъ, и въ такой неизвѣстности столь-же легко можетъ себѣ пра́виломъ поставить книгу, наполненную погрѣшностями, какъ и искусно написанную; что тѣмъ удобнѣе еще случиться можетъ, когда книга украшена прїятными фигурами; но здѣсь прилѣжно примѣчать надлежитъ, что таблицъ и фигуръ анатомическихъ доброту не по рѣзьбѣ красивой, но по сходству съ человѣческимъ тѣломъ цѣнить должно. Многимъ также подало причину къ скукѣ смѣшенїе Анатомїи животныхъ съ Анатомїею человѣческою въ анатомическихъ книгахъ. Но ужѐ довольно противность Анатомїи и скучное въ оной упражненїе описано.

Присту-

Приступлю лучше къ прогнанїю сей скуки чрезъ увеселенїе, соединенное съ анатомическимъ ученїемъ. Сїе же произведено быть можетъ въ дѣйство, когда я тѣло человѣческое Вамъ, какъ махину преискусно здѣланную и никакою хитростїю неподражаемую представлю. Никто о томъ не сомнѣвается, что тѣмъ большее въ насъ раждается увеселенїе, чѣмъ больше въ предложенной махинѣ усматриваемъ совершенства, и чѣмъ больше части махины, хотя и разны между собою, однако всѣ удивительнымъ образомъ къ одному концу склоняются. А тѣмъ большаго удивленїя достойна будетъ та махина, въ которой многїя другїя соединены, и въ которой ни одной и изъ самыхъ малѣйшихъ частицъ не находится излишней; но всѣ и каждая къ общему всея махины концу относятся. Тѣла двухъ первыхъ человѣковъ, не временнаго какого существа, но вѣчнаго и пресовершеннаго силою, которое мы богомъ называемъ, такъ удивительно созданы были, чтобъ не токмо многїе годы жить, но и себѣ подобныхъ, прежде смерти своей, произвесть могли. Такимъ образомъ родъ человѣческїй не только чрезъ многїя тысячи лѣтъ продолжался, но и милїонами милїоновъ умноженъ, и всегда умножаться будетъ, доколѣ влїячная въ первыхъ прародителей сила на все потомство ихъ станетъ простираться. Ибо всякой человѣкъ такъ составленъ, чтобъ жизнь свою до назначеннаго времени сохранять, и себѣ подобнаго произвесть могъ. И сколь ни велико есть множество частей человѣческихъ; однако всѣ оныя по двумъ симъ учреждены намѣренїямъ, къ полученїю которыхъ, какъ самыя твердыя кости, такъ и мягкой мозгъ, какъ сладкое молоко, такъ и горькая желчь, какъ самая знатнѣйшая часть сердце, такъ и не столь знатные мускулы потребны. О всѣхъ же человѣческаго тѣла частяхъ разсужденїе анатомическое съ сладчайшею сопряжено будетъ прїятностїю, когда положенїе и употребленїе оныхъ разсмотримъ, и все съ довольною причиною создано увидимъ, какъ то Цицеронъ еще совершенно вѣдая, въ книгѣ 1. о естествѣ боговъ, весьма справедливо сказалъ: *Нѣтъ ничего по всемъ тѣлѣ безъ употребленїя, ничего нѣтъ безъ причины, и ничего лишняго.* Время мнѣ не дозволяетъ сїе чрезъ многїя, а наипаче чрезъ всѣ части тѣла доказывать. Къ примѣру предложу Вамъ, почтеннѣйшїе Слушатели, расположенїе внутренностей въ трехъ полостяхъ

или впадинахъ нашего тѣла, а особливо преискусное головы составленіе. Я заподлинно увѣренъ, что тѣ, которые безъ знанія анатомическаго неискусно и нерачительно сіе разсматриваютъ, не чувствуютъ такого увеселенія, какое имѣетъ Анатомикъ, разсматривая положеніе, составъ и употребленіе всѣхъ частей тѣла человѣческаго. Ибо не все то равно, гдѣ внутренности положены, или въ какихъ, такъ сказать, стѣнахъ находятся; но то положеніе, которое онѣ имѣютъ, имъ необходимо нужно, и онѣ тѣхъ точно покрывалъ и требуютъ, которыми окружаются, а не иныхъ. Находящіяся въ брюхѣ внутренности, какія суть желудокъ, кишки, пузырь и матка ни въ грудной полости ни въ головной положены быть не могли; такъ какъ лехкому и сердцу въ головной и животной полости было бъ мѣсто непристойное, а мозгъ съ мозжечкомъ не могъ бы имѣть довольной безопасности противъ внѣшняго угнѣтенія, ниже тѣхъ дѣйствій производить, для которыхъ они учреждены, ежелибы или въ груди, или въ животѣ мѣсто имъ было назначено. Желудокъ, кишки и пузырь ежедневно въ разныя времена разнаго требуютъ пространства; матка иногда великостію весьма различна бываетъ: и такъ необходимо требовалось, чтобъ стѣны, содержащія ихъ въ себѣ, могли по разному содержащихся внутренностей распространенію раздаваться. И понеже сіи внутренности для жизни не столько нужны, какъ грудныя и головныя, и способнѣе внѣшнюю силу безъ всеконечнаго жизни урону снести могутъ: то и не нужно было оныя такимъ костянымъ закрытіемъ, какое въ груди и головѣ видимъ, противъ внѣшнихъ угнѣтеній укрѣплять. Внутренности же грудныя, для жизни больше нужныя, необходимо надобно было другимъ и крѣпчайшимъ способомъ оградить; однако не въ такомъ неподвижномъ укрѣпленіи заключить, какое видимъ въ головѣ. Для бо́льшей безопасности, грудная впадина и содержащіяся въ ней внутренности спереди защищаются грудною, сзади спинною костью, а среднія между ими боковыя мѣста ребрами; однако сіи кости такимъ образомъ собраны и посредствомъ мускуловъ сплочены, что во время вдыханія, когда лехкое распространяется, то онѣ сему расширенію уступаютъ, и впадина грудная увеличивается; во время же выдохновенія опять сжимаются, и для того и впадина грудная уменьшается; куда также должно причислять, что перегородка

родка грудную впадину отъ брюшной раздѣляющая не костяная, но больше мускуловатая и плевяная есть; и посему способна расширенію легкаго уступать, и тѣмъ самымъ для способнѣйшаго дыханія расширять грудную впадину. Весьма мягкой мозгъ съ мозжечкомъ у совершенно возрастныхъ людей заключается въ прекрѣпкомъ черепѣ; но въ отрокахъ и въ младенцахъ еще во чревѣ находящихся, тотже черепъ раздѣленъ, и изъ многихъ частей составленъ, чтобъ тѣмъ лучше голова во время рожденія сжаться и чрезъ кости таза пройти, а послѣ рожденія тѣмъ удобнѣе раздаться и надлежащее приращеніе имѣть могла. По совершеніи же сего, швы такъ срастаются, что изъ того одинъ сводъ дѣлается, подъ которымъ бы весьма мягкія и нужнѣйшія части отъ внѣшняго угнѣтенія безопасны быть могли. Но не только для различія сего употребленія, разной степени соединенія черепныхъ костей надлежало быть, но также и для другаго конца должно было ихъ положить на верьхней части тѣла. Когда надобно, чтобъ чувствительные органы, то есть уши, ротъ, носъ, глаза, и малѣйшія тѣлесныя дѣйствія ясно понимать могли: то требуется, чтобъ оныя по близости мозга были положены, дабы во отдаленіи сихъ органовъ отъ общаго чувства другія части не могли касаться до жилъ чувствительныхъ, и ложныхъ не произвели бъ мечтаній.

И такъ уши, для избѣжанія такого замѣшательства, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ только на вышней части тѣла, положены быть не могли; понеже иначе чрезъ безпрерывное движеніе воздуха, которое по поверьхности земли отъ травъ воздухомъ колеблемыхъ, или отъ скотовъ и людей различнымъ образомъ движущихся происходитъ, звуку ясно слышать не можнобъ было.

Рта употребленіе есть троякое: первое, чтобъ говорить, второе, чтобъ пищу принимать, а третіе способствовать дыханію. Для всѣхъ же оныхъ трехъ употребленій, положеніе въ верьхней части тѣла ему приличествуетъ. Въ разсужденіи голоса двоякая отъ того происходитъ выгода; ибо тихой звукъ, естьли ротъ съ ушами въ равной высотѣ положенъ, въ близости удобно слышенъ быть можетъ, и громкой чрезъ большее разстояніе можетъ также быть чувствителенъ. Когда ротъ находится выше желудка, тогда пища и питье

чрезъ свою уже тяжесть въ желудокъ доходятъ; и чрезъ положенїе рта въ вышшемъ разстоянїи предупреждается, чтобъ пары вредительные, изъ земли происходящїе, въ легкое вмѣстѣ съ воздухомъ не могли пройти.

О носѣ двоякимъ образомъ разсуждать должно; ибо или вопервыхъ чрезъ оной мы дышимъ, или обоняемъ. Что касается до дыханїя, то тоже здѣсь служитъ, что мы обо ртѣ прежде говорили. А когда мы объ ономъ такъ какъ объ органѣ обонянїя разсуждаемъ, тогда оной для распознанїя запаху въ пищѣ долженъ быть выше рта учрежденъ. И когда люди не такъ какъ прочїя животныя наклоняясь, но прямо пищу принимаютъ: то сходнѣе, чтобъ носъ повыше рта нѣсколько напередъ выдался.

Осталось еще о глазахъ упомянуть, которыхъ также для разныхъ употребленїй въ нижней части тѣла положить не можно было. Для движенїя впередъ, въ хожденїи и бѣганїи, чтобъ человѣкъ могъ быть безопасенъ отъ паденїя, и чтобъ попадающїяся тѣла, и на наше тѣло наткнувшись оное повреждающїя, тѣмъ удобнѣе и далѣе могли мы видѣть: то глазамъ должно было опредѣлить мѣсто на верьхней и передней тѣла части. А чтобъ намъ и по сторонамъ находящїяся тѣла видѣть можно было безъ поворачиванїя всей головы; то глаза имѣютъ мускулы или мышки, помощїю которыхъ въ стороны ворочаться могутъ. Для избѣжанїя ж, угнѣтенїя, ограждены оные костяными, на подобїе дуги ободками, и чтобы потъ, или летающїя по воздуху несѣкомыя животныя не могли попасть въ глаза: то для сего имѣютъ они ресницы и брови, съ невѣроятною скоростїю по изволенїю движущїяся.

Такимъ образомъ означенные четыре органа чувствъ, на самой верьхней части тѣла и очень близко къ мозгу положить надлежало. Но и симъ еще не былъ доволенъ всемогущїй Создатель, но также по правиламъ симметрїи, для прїятности, такъ оныя расположилъ, чтобъ ротъ и носъ имѣли свое положенїе по отвѣсной линеѣ, а глаза и уши въ равномъ отъ оной разстоянїи находились. Много бы еще можно было представить примѣровъ, которые весьма ясно дока-

доказываютъ, что Галенъ въ книгѣ III. главѣ X. о употребленіи частей справедливо сказалъ: *Все создано такимъ искусствомъ, что лучше создать не можно.* Но для краткости оное опускаю.

Въ короткихъ только словахъ еще предложу, что Анатомики также имѣютъ матерію увеселительную, когда тѣло человѣческое, какъ махину изъ многихъ другихъ махинъ составленную, представляютъ. Толь долго отъ Физиковъ и Механиковъ изыскиваемое движеніе непрерывное Анатомикъ ежедневно находитъ въ грудной впадинѣ. Ибо какъ сердце такъ и легкое отъ рожденія даже до смерти во всегдашнемъ состоятъ движеніи; и какъ скоро сіе перестанетъ, то и жизнь человѣческая прекратится. Также еще другимъ образомъ о сердцѣ человѣческомъ разсуждать можно, какъ о двойной трубѣ, влажности нашего тѣла чрезъ бьющіяся жилы изъ пространныхъ жилъ въ тѣсныя прогоняющей, до тѣхъ поръ, какъ оныя къ самымъ малымъ артеріямъ дошедши, возвратнымъ движеніемъ чрезъ малѣйшія возвращательныя жилки къ большимъ пойдутъ, и наконецъ чрезъ самыя величайшія опять пройдутъ въ сердце; и такимъ образомъ движеніе влажностей происходитъ кругообращеніемъ. Однако и сіе долго продолжиться не можетъ, естьли другое, то есть легкаго движеніе вспомоществовать не будетъ. Ибо легкое въ томъ сходствуетъ съ мѣхомъ, что воздухъ атмосферической въ себя вдохновеніемъ принимаетъ, и въ скорости потомъ равномѣрно оной издохновеніемъ выпускаетъ; и такъ дыханіемъ и обращеніемъ крови до тѣхъ поръ производится въ человѣкѣ движеніе, пока жизнь продолжается, такъ что сердце въ то время около четырехъ разъ сожмется, когда легкое однажды только дыханіе перевесть можетъ. Составленіе глазъ кто тщательнѣе разсмотритъ, тотъ найдетъ, что они весьма изрядно оптическую машину, *камера обскура* называемую, представляютъ. Кто также наблюдаетъ дѣйствіе зубовъ и челюстей при жеваніи, тотъ не легко можетъ опровергнуть сходство сего движенія съ движеніемъ мельницъ. Анатомику жъ разсматривающему составленіе почекъ и пригожемясной железы, также безчисленнаго множества другихъ малѣйшихъ железъ не остается сумнѣнія, что въ тѣлѣ человѣческомъ находятся

Б 3 части

части сходствующія съ цѣдилками. Мускуловъ же и связей при костяхъ разное соединеніе различныя Анатомику показываетъ механическія машины, такъ что онъ въ разныхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла находитъ снурки, жердочки, столбы, винты, подкладки и проч. Остается еще вкратцѣ предложить пріятность анатоміи изъ инъекцій или наливанія воскомъ происходящую. Но оную гораздо лучше можно чувствовать, смотря на самыя пріуготовленныя симъ искусствомъ части тѣла, нежели чрезъ описаніе оныхъ словами. Надобно, чтобъ такой человѣкъ былъ подобенъ статуѣ, которой бы не чувствовалъ крайняго увеселенія при разсматриваніи прекрасныхъ Руйшіевыхъ, Либеркиновыхъ и другихъ анатомическихъ пріуготовленій. Неувѣряющіеся о томъ могутъ въ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ видѣть безцѣнное хранящееся тамъ сокровище Руйшіевыхъ пріуготовленій, и надѣюсь, что по возвращеніи своемъ оттуда, со мною согласятся. И такъ анатомическое ученіе имѣетъ свой пріятности, которыя тѣмъ больше бываютъ, чѣмъ съ большимъ любопытствомъ Анатомикъ въ разсматриваніи самыхъ малѣйшихъ частицъ упражняется; ибо въ мѣлкости ихъ найти можетъ наивеличайшее искусство, а потому и довольную причину къ увеселенію.

Въ третіей части моего предложенія, остается мнѣ доказать пользу Анатоміи, которую ничѣмъ лучше изъяснить не можно, какъ объявленіемъ великой оныя пользы въ богословіи и Юриспруденціи, а наипаче въ Медицинѣ.

Когда по Псаломнику Давиду безумной въ сердцѣ своемъ речетъ: *Нѣсть Бога*, и всѣми свидѣтельствами божественнаго откровенія не увѣрится: тогда изъ самаго строенія сердца его и изъ всего преискусно сложеннаго человѣческаго тѣла могутъ произведены быть ясные противъ безумія его доводы. Всѣмъ извѣстное оное, но смѣшное поношеніе, будто между треми Медиками двое всегда бываютъ безбожники, многихъ знатныхъ Медиковъ возбудило къ опроверженію сей клеветы изъ сложенія человѣческаго тѣла, каковыя доказательства чинены также и отъ богослововъ, какъ то въ нѣкоторыхъ книгахъ видѣть можно. Недостатокъ времени и самое предпріятіе мое не дозволяетъ

воляетъ мнѣ изъ особливой какой части тѣла выводить такія доказательства; и такъ для краткости упомяну только нѣкоторыхъ писателей, которые въ семъ дѣлѣ упражнялись. Служатъ къ сему концу Фр. Гофманна трактатъ о убѣжденіи безбожника изъ строенія тѣла человѣческаго: славнаго Гамбергера разсужденіе о бытіи божіемъ изъ разсмотренія сéрдца доказанномъ: Тимміевъ доводъ о бытіи божіи изъ разсмотренія спины: Донатово доказательство о богѣ изъ человѣческой руки: Гейстерова программа, показывающая изъ костныхъ составовъ бытіе божіе: егожъ программы пользу Анатоміи въ богословіи, также изъ сухихъ жилъ, изъ строенія тонкихъ и толстыхъ кишекъ, изъ мышекъ, изъ удивительнаго движенія тѣла, бытіе божіе доказывающія: Стурміевъ глазъ бытіе божіе доказывающій: Вухерерово доказательство о богѣ изъ мозгу: Фейерлиново доказательство бытія божія изъ рѣчи, и многія другія.

Теперь намѣренъ я доказать пользу Анатоміи въ Юриспруденціи изъ Медицины къ суду принадлежащей. Ибо разсуждая о искусномъ въ правахъ, или стряпчаго или судьи должность отправляющемъ, въ обѣихъ случаяхъ познаніе человѣческаго сложенія великую ему принесетъ пользу. Наглость злыхъ людей иногда до того доходитъ, что они невинныхъ безъ всякой причины тяжко ранятъ, и иногда такъ, что тѣ отъ оныхъ ранъ умираютъ. При прозьбѣ такихъ раненыхъ или ихъ друзей о удовольствіи, судья долженъ приказать, чтобъ раненое тѣло докторъ или лекарь осмотрѣлъ, и разсужденіе объ оной ранѣ подалъ. По сему описанію раны докторомъ или лекаремъ и по пріобщенному онаго разсужденію, судья долженъ приговоромъ своимъ или оправдать или обвинить отвѣтчика; но не зная Анатоміи все за справедливое почéсть долженъ, что въ свидѣтельствѣ дóктора или лекаря содержится; изъ чего иногда произойти можетъ, что онъ невиннаго обвинитъ, а виноватаго оправитъ. И хотя сіе происходитъ отъ невѣдѣнія его; однако, по моему мнѣнію, судья, которой подлинно любитъ правосудіе и объ ономъ старается, пріятнымъ совѣсти своей засвидѣтельствованіемъ, что онъ должность свою точно исполнилъ, иначе наслаждатися не можетъ, какъ только, естьли самъ имѣя знаніе въ Анатоміи о состояніи раненаго разсуждать, и о справедливости докторскаго

скаго или лекарскаго свидѣтельства, увѣренъ быть можетъ. Многіе другіе случаи, въ которыхъ анатомическое познаніе человѣческаго тѣла упражняющемуся въ правахъ весьма полезно, для краткости оставляю; а лучше буду доказывать, что ученіе Анатоміи въ Медицинѣ есть наиполезнѣйшее.

Выше сего уже объявлено, что собственной предметъ Анатоміи есть человѣческое тѣло: того ради Анатомикъ весьма тщательно оное разсматриваетъ. Онъ разбираетъ какъ большія и малыя, такъ и самыя мѣлчайшія онаго тѣла частицы, сколько глазами проникнуть и анатомическимъ ножичкомъ разрѣзать можно. Онъ познаетъ, какъ строеніе самыхъ твердыхъ костей, такъ и сложеніе частей мяхкихъ; и притомъ ножемъ своимъ не меньше сыскиваетъ кровяныхъ сосудовъ продолженіе и бо́льшихъ изъ нихъ на подобіе древесныхъ вѣтвей раздѣленіе, какъ и раздробленіе большихъ жилъ сухихъ на самыя мѣлкія пряди. Однимъ словомъ, Анатомія показываетъ всѣхъ частей человѣческаго тѣла видъ, положеніе, соединеніе, строеніе и употребленіе. Когда же разсудимъ, что должность Медика по большей части въ томъ состоитъ, чтобъ человѣческое тѣло, болѣзньми зараженное, отъ оныхъ свобождать: то явно будетъ, что та часть Медицины, которая показываетъ строеніе тѣла человѣческаго, должна быть весьма полезна. Я упомянулъ уже выше сего, что человѣческое тѣло есть прехитро устроенная и изъ многихъ другихъ сложенная махина: слѣдовательно тотъ только способенъ будетъ къ исправленію поврежденнаго въ ней, кто самое внутреннее сихъ махинъ сложеніе точно знаетъ. Такимъ образомъ обыкновенно поступаемъ мы въ общей жизни. Орга́ны, въ чужихъ краяхъ обыкновенно употребляемые въ церквахъ, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ числу махинъ весьма искусно здѣланныхъ. Но когда они въ чемъ повредятся, то къ исправленію онаго са́мой искусной лекарь столь неспособенъ, какъ са́мой совершенной въ своемъ художествѣ органистъ къ тому, чтобъ достать камень изъ пузыря уриннаго. Когда часовая стрѣлка не вѣрно показываетъ: то никто не отдастъ часовъ въ починку къ каретнику, по той причинѣ, что ему извѣстно строеніе каретъ, а не часовъ. И такъ примѣня сіе къ махинѣ человѣческаго тѣла, произойдетъ слѣдующее заключеніе: естьли махина простая и не столь искусно здѣланная, повредясь въ своемъ сложеніи, не можетъ

въ

въ прежнее совершенство иначе приведена быть, какъ только чрезъ такого мастера, которому все оной строенїе совершенно извѣстно: то изъ сего непосредственно слѣдуетъ, что старающїйся привесть въ порядокъ погрѣшности преискуснѣйшей человѣческаго тѣла махины, совершенное долженъ имѣть знанїе о всемъ оной сложенїи. Когда о болѣзняхъ такъ разсуждать будемъ, какъ о ненатуральномъ состоянїи тѣла, которое Медикъ долженъ привесть въ натуральное: то необходимо должно знать, въ чемъ состоитъ натуральное оное состоянїе. Неправильныя движенїя тѣла въ надлежащую умѣренность приводить кто хочетъ, тотъ необходимо долженъ знать предѣлы правильнаго движенїя. Ибо какъ въ леченїи внутреннихъ болѣзней анатомическое познанїе тѣла человѣческаго Медику въ разныхъ случаяхъ спомоществуетъ, такъ и хирургу безъ онаго никакимъ образомъ обойтись не можно, развѣ онъ человѣческимъ здоровьемъ, по обычаю площадныхъ врачей, играть похочетъ. Ибо которыя мы ни представимъ себѣ хирургическїя дѣйствїя, какбы оныя легки или трудны ни были, нѣтъ ни одного изъ оныхъ, которое бы не требовало точнаго знанїя о строенїи тѣла человѣческаго. Кровопущенїе есть самое легкое и обыкновенное хирургическое дѣйствїе: однако ежедневной опытъ доказываетъ, что и оное иногда съ худымъ успѣхомъ производится, когда или находящаяся подлѣ жилы артерїя, или отрасль чувствительныхъ жилъ ручныхъ вмѣстѣ порѣзана будетъ. Когда бьющїйся жилы наружная плева повреждена будетъ: то въ томъ мѣстѣ ослабѣвшая прочая часть опухнетъ, которая опухоль въ медицинскомъ ученїи *аневризма* называется. Но и сїю никто не можетъ безопасно приняться лечить, не зная точно по Анатомїи положенїя оной бьющейся жилы и близъ оной находящихся частей. Изъ сего жъ анатомическаго познанїя должно опредѣлять, можетъ ли сїя опухоль излечиться операцїею, или нѣтъ. И такъ не только въ сихъ случаяхъ полезно имѣть совершенное познанїе о положенїи и раздѣленїи сосудовъ кровоносныхъ; но польза оная и до всѣхъ почти хирургическихъ дѣйствїй простирается. Ибо здравое разсужденїе намъ показываетъ, что безъ нужды не должно перерѣзывать сосудовъ кровоносныхъ; но часто случается, что должно глубоко прорѣзывать. Какимъ же образомъ операторъ поврежденїя сосудовъ избѣжать можетъ, естьли онъ положенїя оныхъ со-

 совершенно

вершенно знать не будетъ? Притомъ чѣмъ хитряе операціи и трудняе, тѣмъ вящшую Анатомія приноситъ пользу. Въ примѣръ тому служитъ трепанація, или просверливаніе черепа, и выниманіе камня изъ пузыря уриннаго. Для благополучнаго просверленія операторъ долженъ знать видъ, строеніе и связаніе костей, черепъ головной составляющихъ, такожъ бьющихся жилъ височныхъ раздробленіе, положеніе мускуловъ на челѣ и на затылкѣ, и принадлежащихъ къ нимъ волоконъ; строеніе перепонокъ мозговыхъ, путь кровоносныхъ сосудовъ чрезъ твердую надъ мозгомъ перепонку и положеніе продолжающихся чрезъ средину мозга и по бокамъ лощинъ. Но всѣ сіи принадлежности можно ему узнать чрезъ Анатомію такимъ образомъ, что послѣ съ довольнымъ основаніемъ и съ должными предосторожностьми и самую трудную операцію безопасно производить можетъ. Не ме́ньшее сего познаніе подаетъ оператору Анатомія и тогда, когда ему надобно вырѣзывать камень изъ пузыря; ибо мы не можемъ точно знать, находится ли въ пузырѣ такой вредной камень, не ощупавъ его помощію катетера. Но какъ тотъ можетъ катетеръ у мужескаго по́ла въ пузырь впустить, кто не знаетъ совершенно строенія уретры? Ибо урина у мущинъ не только должайшимъ, нежели у женщинъ, но притомъ еще и изогнутымъ путемъ исходитъ. Сверьхъ того во внутренности оной уретры железа̀, называемая *перумонтанумъ*, проходу катетера дѣлаетъ помѣшательство: и такъ положеніе онаго операторъ обстоятельно знать долженъ. Но сіе знаніе еще не довольно къ извлеченію самаго камня. А чтобъ оное окончать благополучно по разсужденію, а не по случаю только: то должно еще оператору совершенно знать уриннаго пузыря положеніе, фигуру, строеніе и связаніе съ ближними частями, чему учиться должно въ Анатоміи. Исторія о Цистотоміи описываетъ намъ способъ, названной *бокопымъ*, для выниманія камня, которой употреблялъ нѣкогда знатной пустынникъ *Іаковъ*. Но какъ онъ въ анатоміи былъ неискусенъ: то по большой части нещастливо и неудачно производилъ свои дѣйствія. Чего ради преискусной Анатомикъ Равій, усмотрѣвъ по Анатоміи въ чемъ оной Іаковъ, не зная строенія человѣческаго тѣла, погрѣшилъ, тотже са́мой его способъ боковой по пра́виламъ строенія человѣческаго тѣла исправилъ, и съ весьма ща-

щастливымъ успѣхомъ многія тысячи людей отъ каменной болѣзни тѣмъ свободивъ, ясно доказалъ, сколь нужна и полезна Анатомія въ выниманіи камня изъ пузыря. И такъ я по самой справедливости осмѣливаюсь утвердить, что Медикъ въ леченіи внутреннихъ болѣзней безъ Анатоміи мало имѣетъ ясности, а въ Хирургіи и со всѣмъ слѣпъ. И для того я не могу довольно надивиться, что въ нѣкоторыхъ иностранныхъ Университетахъ такъ рѣдко бываетъ случай учиться Анатоміи надлежащимъ образомъ; напротивъ чего щастливѣйшими себя признавать должны вы, которые въ здѣшнемъ Императорскомъ Университетѣ въ медицинское ученіе себя употребить вознамѣрились; ибо по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Прещедрыя онаго Покровительницы, **Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ Самодержицы Всероссійскія** къ наукамъ благоволенію, въ прошедшемъ году театръ анатомической здѣсь построенъ, и по благоизобрѣтенію Его Превосходительства, Сенатора, Тайнаго Совѣтника, Императорскаго Московскаго Университета Куратора Василья Евдокимовича Адодурова, опредѣленъ я для обученія васъ Анатоміи, Хирургіи и повивальнаго искусства. Я съ самаго начала, по моемъ вступленіи, старался, чтобъ отъ послѣднихъ изъ вышепоказанныхъ противностей, случающихся при Анатоміи, то есть въ разсужденіи книгъ анатомическихъ, облегчить васъ литеральною анатомическою исторіею. Прочія же, то есть первыя противности, вы со мною прошедшею зимою преодолѣли, и впредь оныя тѣмъ меньшими еще почитать будете, чѣмъ бо́льшее въ ученіи анатомическомъ получите приращеніе. Для избѣжанія замѣшательства, въ первомъ курсѣ общія только части вамъ я показывалъ, которыя когда въ памяти вашей затвердятся, то помалу пріобщу къ тому и особенныя, всегда почитая то за главное правило, что хотя не пространно, но основательно надлежитъ учиться. Прилѣжнымъ изъ васъ, и день отъ дня болѣе научиться желающимъ, открытой ко мнѣ и въ мою хотя небольшую библіотеку входъ быть имѣетъ, и оные меня всегда найдутъ готовымъ къ распространенію ихъ ученія; надъ непри-

прилѣжными жъ рачительно смотрѣть и всѣми силами стараться имѣю, чтобъ недостойные не были допущены на казенное содержанїе, но онымъ награждаемы бъ были прилѣжные.

Симъ я заключаю, Слушатели, то, что принадлежитъ къ предложенїю моему и принятой мною должности.

Но недавно прошедшимъ высочайшимъ днямъ особливое торжество долженствуется. Россїйская Имперїя съ веселїемъ воспоминала третьяго дня свое благополучїе, когда божественный промыслъ ко обладанїю Россїею опредѣлилъ **Всепресвѣтлѣйшую, Державнѣйшую Великую Государыню Императрицу ЕКАТЕРИНУ АЛЕКСѢЕВНУ Самодержицу Всероссїйскую**: празднованнымъже вчерашняго числа единадесятолѣтнимъ тезоименитствомъ законнаго Наслѣдника Всероссїйскаго Престола благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя *ПАВЛА ПЕТРОВИЧА* новое придано къ сему веселїе. Что мы основательнѣйшею причиною къ радости возбуждаемся, то можетъ всякой легко видѣть, кто только разсмотритъ, что благосостоянїе государствъ зависитъ отъ способности обладателей ихъ къ правленїю, и отъ приведенїя оной способности въ дѣйство. Но Августѣйшая наша Монархиня украшена отъ природы всѣми тѣми дарованїями, которыхъ болѣе къ благополучному государствованїю желать не возможно, и которыя **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО** весьма рачительно чрезъ чтенїе наилучшихъ книгъ съ крайнимъ прилѣжанїемъ распространила. И того ради сомнѣнїемъ мы наполняемся, больше ли въ оной изволенїю за первую должность благосостоянїе подданныхъ поставляющему, или разуму изряднѣйшїя средства къ произведенїю онаго изобрѣтающему удивляться долженствуемъ. Но сїе точно знаемъ, что всѣ Матернїя ЕЯ попеченїя и разсужденїя единой тотъ предметъ имѣютъ, чтобъ благополучїе вѣрноподданныхъ своихъ соблюсти и умножить. А какъ къ тому больше времени и труда требуется, нежели какъ о томъ безъ дальнаго вниманїя разсматривая думать можно: то удивляться не должно, что неусыпно старающаяся о благосостоянїи подданныхъ своихъ Монархиня часто тогда печется о нихъ, когда они сами еще покоятся. Изъ толь многихъ доказательствъ весьма ясно подтверждающихъ неутомленное раченїе

Все-

Всемилостивѣйшей нашей Государыни о благосостоянїи Отечества, позволено да будетъ мнѣ упомянуть только нѣкоторыя, до жизни, здравїя, и воспитанїя подданныхъ касающїяся. Попеченїя о жизни подданныхъ знатной примѣръ видимъ въ основанїи здѣсь въ Москвѣ воспитательнаго дому. Причемъ не только тѣ младенцы, которые бы безъ сего прибѣжища, будучи откинуты, погибли, жизнїю своею одолжены будутъ прозорливости ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА; но польза онаго гораздо далѣе простирается, разсуждая о семъ учрежденїи, какъ о дѣйствительномъ училищѣ, въ которомъ при надлежащемъ показанїи, повивальныя бабки и въ са́момъ дѣйствїи наставляемы быть могутъ; а по довольномъ ихъ въ семъ искусствѣ обученїи, все государство оными снабдѣно, и въ отдаленныхъ мѣстахъ жизнь многаго числа̀ какъ родильницъ такъ и новорожденныхъ младенцовъ сохранена быть можетъ. И такъ безчисленное множество вѣнцевъ, по римскому обыкновенїю, изъ дубовыхъ вѣтвей сплетенныхъ, высочайшей Основательницѣ сего дому:

За сохраненїе людей

приличествуетъ.

Но прещедрая Монархиня не удовольствуясь употребленнымъ отъ НЕЯ попеченїемъ о сохраненїи естественной жизни своихъ подданныхъ, еще сверьхъ того неусыпно старается и о томъ, чтобъ оные въ пользу отечества надлежащимъ образомъ и воспитаны были. Являетъ сїе оной воспитательной домъ; доказываетъ учрежденное для воспитанїя благородныхъ дѣвицъ училище; подверждаютъ толь многїя другїя до наукъ и художествъ касающїяся учрежденїя. Крайнее жъ ЕЯ къ доброму воспитанїю уваженїе особливо показывается въ неусыпномъ ЕЯ, яко попечительнѣйшїя родительницы старанїи о воспитанїи любезнѣйшаго Своего Сына. Увѣрена будучи собственнымъ Своимъ искусствомъ о пользѣ наукъ, тщится оными и любезнѣйшаго Своего Сына украсить. Зная совершенно все принадлежащее къ щастливому и благополучному правленїю государства, ничего не оставляетъ потребнаго къ тому, чтобъ Наслѣдникъ ЕЯ приращенное Августѣйшею Его Родительницею благополучїе Россїи всегда наиболѣе распространять могъ.

Всевышній да соблюдетъ дражайшее Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія Государыни нашея **ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ** Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, толь неусыпно о благосостояніи Отечества пекущіяся, здравіе ненарушимо, даже до глубокой старости; любезнѣйшему же ЕЯ Сыну, при совершенномъ здравіи и крѣпости тѣлесной, да даруетъ духъ подражанія добродѣтелямъ Матернимъ. Такимъ образомъ день отъ дня приращающееся цвѣтущее Россійской Имперіи состояніе подастъ потомкамъ нашимъ причину признавать благополучіе наше за основаніе благополучія вѣковъ будущихъ. Причемъ безъ сомнѣнія и состояніе сего Университета, толь великаго благоволенія и милости отъ Высочайшія и Прещедрыя Своея Покровительницы удостоеваемаго, съ благополучіемъ всея Имперіи день отъ дня наиболѣе процвѣтать имѣетъ.

оик № 25625